

— В день, когда я прибыл на заставу, я пошёл поприветствовать того чиновника, которого лечил старый доктор, — тихо начал Цю Хэнянь. — Увидев меня, он сразу назвал моё имя.

Они сидели на кровати, оба накинули поверх одежды халаты, скрестив ноги, лицом друг к другу.

Цин Янь внимательно смотрел на него:

— Он тебя узнал.

Цю Хэнянь кивнул:

— Да, это был старший товарищ, с которым я служил пять или шесть лет назад. Его фамилия Хуан, человек он порядочный, все тогда звали его Лао Хуан.

Цин Янь спросил:

— Ты всё вспомнил о прошлом?

Цю Хэнянь покачал головой:

— Нет, только те моменты, которые связаны с моей службой. Старый доктор сказал, что мне нужно время. Он посоветовал бывать в знакомых местах, общаться с теми, кого я знал раньше. Это должно помочь памяти вернуться быстрее.

— Пока я ещё мог двигаться, я ходил по заставе, осматривал всё вокруг. Лао Хуан дал мне рекомендательное письмо, чтобы я мог проходить везде, кроме особо охраняемых территорий. Но из тех, кого я знал, многие уже либо переведены, либо ушли в отставку.

— Пока ты мог двигаться? — быстро переспросил Цин Янь, уловив эту деталь.

Цю Хэнянь горько улыбнулся:

— Поскольку ядовитое вещество, отравившее меня, так и не удалось определить, в первые дни на заставе мне часто меняли лекарства. Около седьмого-восьмого дня одна из смесей оказалась слишком сильной, и после этого я уже не мог вставать с постели.

Едва он закончил говорить, глаза Цин Яня покраснели, он прошептал:

— Я знал, что что-то не так. В твоих письмах ты слишком часто упоминал то яблоневое дерево.

Цю Хэнянь протянул руку и мягко обхватил запястье Цин Яня, лежащее у него на коленях:

— Я не хотел рассказывать тебе об этом, чтобы не тревожить, но и скрывать всё дальше не мог. Лучше уж сказать всё, чем оставить тебя гадать. Но не печалься из-за этого, всё уже позади. Я вернулся и теперь в порядке.

Цин Янь кивнул, быстро вытерев слёзы, и продолжил слушать.

— Тогда мне становилось всё хуже, — продолжил Цю Хэнянь. — Я всё реже приходил в себя. Но каждый раз, как просыпался, просил у кого-то бумагу, кисть и тушечницу, чтобы написать тебе письмо. Я знал, что, если ты заметишь что-то необычное, начнёшь переживать. Но и не писать я не мог — иначе мне было бы совсем невыносимо.

— Как-то раз, проснувшись, я хотел написать тебе письмо, — начал Цю Хэнянь. — Попросил ученика принести кисть, а он в испуге выбежал из комнаты и привёл старого доктора. Только тогда я узнал, что пробыл без сознания больше десяти дней.

Он замолчал на мгновение, затем продолжил:

— Проснувшись тогда, я чувствовал себя слишком слабым. С трудом закончил письмо, велел ученику отправить его, съел немного еды и снова уснул.

— Когда я очнулся в следующий раз, старый доктор с радостью сообщил, что весь яд из моего тела вышел. В тот же день я написал тебе письмо, сообщив, что собираюсь в обратный путь, но, увы, письмо задержалось из-за песчаной бури и добралось до тебя позже меня самого.

Цин Янь внимательно слушал, но вдруг его взгляд стал тревожным:

— Но ведь второе пробуждение тоже было через десять с лишним дней. Как ты смог отправиться на следующий день?

Цю Хэнянь слабо улыбнулся:

— Старый доктор и Лао Хуан просили меня ещё несколько дней отдохнуть, но я слишком скучал по дому. Поэтому, хоть и был слаб, я всё же отправился в путь. Сначала двигался медленно, часто отдыхал. Но постепенно силы возвращались, и я ускорился. Так я добрался домой.

Он говорил спокойно, но Цин Янь ясно представлял, через какие трудности тот прошёл. Его сердце сжалось, и он инстинктивно стиснул края своей одежды.

Взгляд Цю Хэняня остановился на лежащей у изголовья кровати старой рубашке и

ароматическом мешочке. Эти вещи он держал постоянно рядом. Во время болезни они лежали у его подушки, и ученик, ухаживавший за ним, знал, что их нельзя трогать. Каждый раз, как Цю Хэнянь приходил в сознание, он сразу тянулся к этим вещам и подолгу держал их в руках, будто черпая из них силы.

Лао Хуан, увидев это, часто подшучивал:

— Смотри-ка, совсем перестал быть мужчиной. Женился, и всё — только о своём гере и думаешь.

Цю Хэнянь всегда только улыбался в ответ, не обращая внимания на эти слова.

Лао Хуан, чья семья жила поблизости, часто навещал родных. Его родители были живы, братья и сёстры многочисленны, а жена с детьми ждали его в посёлке у границы. Он не мог понять, что значит быть таким, как Цю Хэнянь, для которого в этом мире был только один человек, ради которого он жил и переживал.

Цю Хэнянь крепко обнял Цин Яня, который безмолвно боролся со своими слезами. Две одинокие души, наконец, нашли утешение друг в друге, прижавшись ещё теснее.

Цю Хэнянь обнял Цин Яня, его подбородок мягко касался его щеки.

— Я родом с юга, — начал он, — Недалеко от округа Наньхуэй, где живет дядя Цинь. В детстве я был уличным сиротой. Когда мне было лет семь-восемь, меня приютила семья Цю. Они приняли меня как приёмного сына, хотя на деле я был скорее слугой и товарищем для их молодого господина, который всего на полгода старше меня.

— В доме Цю я научился читать, писать и немного постиг боевые искусства. Когда нам исполнилось по восемнадцать, нас отправили в армию для обучения. Сначала служба была недалеко от дома, но потом на севере началась война, и приграничные войска не смогли сдержать натиск. Нас, как часть императорского войска, перебросили туда.

— В нашем отряде были люди со всех концов страны. Солёные овощи, которые я часто готовлю, я научился делать у местных жителей.

— Война длилась два года. Мы победили, и многие из нас получили награды. Я тогда продвинулся на три ранга и стал Чэн-чжунланом. А он... — Цю Хэнянь замолчал, его брови нахмурились.

Цин Янь поднял на него глаза:

— Ты не помнишь?

Цю Хэнянь закрыл ладонью лоб:

— Нет. Всё, что случилось после войны, я помню смутно. Лао Хуан говорил, что он поднялся на девять рангов и стал важным чиновником на заставе.

— Ты видел его на этот раз? — спросил Цин Янь.

Цю Хэнянь покачал головой:

— Нет.

Цин Янь нахмурился:

— Он уехал к семье?

Цю Хэнянь снова покачал головой:

— Мой приёмный отец и его жена умерли от болезни ещё до войны.

Он опустил взгляд:

— Лао Хуан сказал, что он умер на второй год после моего исчезновения.

— Как он умер? — изумлённо спросил Цин Янь.

— Его укусила ядовитая змея, когда он охотился на пустоши за пределами заставы. Противоядие было на заставе, но они ушли слишком далеко и не успели вернуться вовремя.

Они на какое-то время замолчали. Затем Цин Янь осторожно выбрался из его объятий, прислонился к спинке кровати и уложил голову Цю Хэняня себе на колени.

Его мягкие пальцы коснулись висков Цю Хэняня, легко массируя, размеренно и нежно. Постепенно напряжение ушло, морщины на лбу разгладились. Тепло его тела усиливало тонкий аромат, исходящий от Цин Яня, который наполнил пространство вокруг.

Цю Хэнянь перевернулся на бок, повернувшись лицом к нему, и, уткнувшись в его живот, мягко поцеловал.

— Лао Хуан говорил, что после войны они несколько дней и ночей пировали, и никто не заметил, в какой момент я пропал. Они тогда прочёсывали окрестные пустоши и деревни, но

так меня и не нашли, — тихо произнёс он.

Он замолчал на мгновение, затем добавил:

— Я не помню, как оказался на берегу реки в этом заснеженном селе. Глубоко внутри что-то подсказывает мне: лучше не пытаться это вспомнить.

Цин Янь продолжил аккуратно гладить его волосы, его голос был спокоен:

— Если не хочешь вспоминать, не нужно.

Под глазами Цю Хэняня залегли лёгкие тени усталости. Он тяжело вздохнул, постепенно расслабляясь. Мягкий аромат и тёплое прикосновение пальцев окончательно успокоили его, и его дыхание стало глубоким и размеренным.

Перед тем как уснуть, он тихо пробормотал, словно стараясь развеять тревогу Цин Яня:

— Я никуда не уйду.

Цин Янь наклонился, поцеловал его в лоб и твёрдо произнёс, его глаза блестели от решимости:

— Неважно, куда ты пойдёшь. Я пойду с тобой.

<http://bllate.org/book/13590/1205243>